

28 марта 1988 г.

М.С. начал с вопроса о XIX партконференции. Давать ли тезисы на всенародное обсуждение? Или только внутри партии? Пусть партия сама разберется сначала? Подумайте, мол. От этого зависит и характер тезисов.

Конференция должна стать мощным толчком всем процессам перестройки. И требуется все обдумать: ход перестройки и меры по ее углублению. Как подойти в практическом плане к созыву конференции. Как доклад готовить... Ну, это-то мы сделаем. А вот как партию подготовить к конференции. Нужна будет очень острая самокритика: как выполняются постановления пленума, «единство слова и дела», соблюдаем ли?! Что сделано и что провалено и кто ответственен за это. Думать надо и в плане доделки несделанного — и в оставшиеся месяцы, и в плане анализа проделанного. Что выполнили — но не с точки зрения объемов, а новыми методами, выполнили ли договора?

Нужно сказать и о достижениях — экономических, политических, социальных. Это первое.

Второе. Как идет демократизация в партии и в обществе. Доклад будет один. Дайте свои мнения — как вы его себе представляете. У меня есть идеи. Но говорить обо всех не буду. Соберемся на той неделе.

Думайте о качественном составе делегатов конференции, о документах ее, о порядке работы.

Кое-что я сказал на февральском пленуме. В центре — проблема политической реконструкции — Советы. Возродить их, ленинское отношение к их месту и роли. И о роли партии: чем больше размышляю и изучаю вопрос, тем сильнее убеждаюсь, — если допустим ослабление партии, всё провалим. Ведь в ней — теория, осмысление, организация масс, сознание масс. Кто это за нее сделает?! Никому это не по плечу. Уже сейчас видим: стоит что-то упустить, отстать, сразу же это дает о себе знать, во всем обществе откликается. Убежден, что надо кардинально менять Верховный Совет. Как подумаю о нем — перед глазами Большой Кремлевский дворец: сидят, кто слушает, кто делает вид, похлопали, проголосовали — и вся работа. И разъехались. Такой ли нам нужен Верховный Совет — и по существу, и по составу, и по количеству, и по делу?

Убежден, что нужно ограничение срока пребывания на посту — всех, вплоть до Генерального секретаря. Но не так, как у югославов. Насмотрелся я там. Все лидеры счастливы, что у них нет Генсека. Каждый на своем месте речи произносит за всю страну. Все метят занять первое место.

Медведев: А с другой стороны — с ответным визитом некого пригласить! Хохот.

Горбачев: Но посмотрим на себя. Вот недавно занимались корпусом кадров на посты первых секретарей обкомов. До 40 лет нет ни одного подходящего. А откуда взяться-то. Они же были исключены из политического процесса. Ведь человек должен пройти через ступени партийной работы. Но им выхода не давали. И теперь кто рождения 30-х

годов, значит ему сейчас 50. А на выдвижение в центр он лишь к 60-ти подготовится. Нарушен у нас кадровый процесс.

Так вот: и об этом подумайте. И вообще, как вы себе представляете партийный аппарат?

Таков второй аспект XIX партконференции.

Теперь хочу сказать вот о чем. Мы (в ПБ) два дня обсуждали статью в «Советской России». Оценили единодушно (!) как вредную, антиперестроечную, а некоторые даже — как реакционную.

Обсуждение состоялось по моей инициативе. Точка зрения — общая. Были члены ПБ, кандидаты, секретари (кроме Добрынина — был в отпуску).

Появление подобной статьи казалось бы нормально в условиях гласности. И такая точка зрения может быть. Человек может высказывать любые взгляды. Я сам вам зачитывал письма похлеще. Мало разве разного печатают в газетах, в журналах. Это нормально. Люди обдумывают. Они хотят понять, что с их историей было. Что? — 70 лет зря прожили? И воевали неизвестно за что? Другие полагают, что всё на 98% было блестяще... Но тогда зачем апрельский пленум 1985 г.? Каприз чей-то?

А мы, партия, хотим свою точку зрения проверить: сложным путем шли, разное было. Но шли по пути социализма. ...Свою точку зрения изложили на 70-летию Октября и в других документах.

Это привело в движение новые процессы, затронуло все слои общества. Развернулись дискуссии. Разгорелись страсти. В сознании многих возникли вопросы.

Казалось, их прояснили. А в жизни — все сложнее. Сумятица в мозгах. Даже на уровне ЦК не все одинаково. И это нормально. Каждый честный человек хочет прояснить для себя, что и как было. Это нормально. Почувствовав эту сумятицу, я решил выступить на февральском пленуме. Вы помните, с каким вниманием слушали. Но увидел я, что некоторых это ошарашило. Задумались... Пошло опять обсуждение. И пусть. Мы никаких указаний отсюда не давали.

Ведь речь идет о переделке сознания. Не 1-й Конной армии даем приказ разгромить Деникина. Речь идет о перестройке сознания людей, которые выросли в советское время. Вот для чего нужны гласность и демократия. Вот — главные инструменты.

И вот мы сталкиваемся с этой акцией (статьей Нины Андреевой в «Советской России»). Именно так я хочу квалифицировать ее — акция против февральского пленума, задумана и осуществлена. И это нельзя было оставлять без оценки. Поручили «Правде» дать ответную статью.

<...>

Я говорил на ПБ: нам с вами выпала важнейшая в истории миссия — тащить страну, выводить на дорогу, возвращать ее к Ленину... Будьте внимательны, смотрите вперед.

Вот сидел я как-то рядом с латышом из «Агджи» (богатый латышский совхоз). Говорит он мне: Михаил Сергеевич, между руководством и народом

— такая толща! Вяжут народ, не дают дышать, не дают работать. Виктор Петрович (Никонову¹), ты предлагаешь на 50 % сократить РАПО², а я — на 60 и больше. Ведь в одном Саратове, говорят, сидят при РАПО сотни людей, целый отряд, здоровые девки (показывает на грудь), это резерв — на свеклу. 900 человек заняты в РАПО в одном Саратове.

Нужны ли нам такие РАПО? Политика определена. Сказали, что делать. Государство заказы будет давать и зачем эти промежуточные инстанции? Отучили людей самостоятельно действовать. Вот Иван Васильев выступал на съезде колхозников: наглядился, говорит, я на все эти вещи. Теперь и аренду не с кем заключать, не хотят никак этим заниматься... А почему так? Потому что специалисты против. Они десятки лет сидели, ничего не делали, разорили деревню. А тут подряд подошел и выдает такие результаты, что им не снилось. Это их дискредитирует и, конечно, они против всяких новшеств. Вот ведь при реформе какие вещи мы выявляем. И народ все это видит. А нам бы сказать это служащим-специалистам — вы же в бюрократов превратились. Я, понятно, против того, чтобы сегодня тысячу человек уволить, завтра еще тысячу уволить. Надо делать по-человечески, надо, чтобы процесс последовательно шел. Не надо ничего силовыми приемами, не пресекать никаких начинаний. Надо полную свободу всему — всем, кто хочет что-то делать. Или посмотрите, в «Огоньке» прочитал недавно, как в Узбекистане удобрениями травят женщин, которые на хлопке работают. И никому нет дела. Одна женщина выступила, так ее замордовали, без зарплаты оставили. И вот забивают таких людей как гвоздь под шляпку, чтобы задохнулись со своей инициативой и с жалобами.

Перестройка преподнесет нам еще много всего. И нельзя, чтобы мы замыкались на мелочах. Надо, чтобы закон сам стал действовать. Вот подстрекатели в Армении. Есть они. Паразитируют они на проблеме, на беде. А надо взять такого подстрекателя и в суд его принародно, и в тюрьму.

В нашей политике — большая сила. Но надо уметь ее проводить. Чебриков в своем ведомстве провел анализ (у себя они делают такие «социологические» исследования). Так вот они пришли к выводу, что критицизм, связанный с перестройкой, не носит деструктивного характера. Я хочу, чтобы заведомо знали это.

Может быть нам решение принять на Политбюро по статье в «Советской России» (голоса согласия). Не вредно и разослать бы его по парторганизациям.

Болдину³: У нас записано, что говорилось на Политбюро? (Болдин мнется. Ибо давно запрещено что-либо записывать на заседаниях Политбюро). М.С. понял, что он проговорился... Продолжает: но все таки

¹ Никонов Виктор Петрович (род. в 1929 г.) — секретарь ЦК КПСС с 1985 г., в 1983 г. министр сельского хозяйства, в 1988–1990 гг. — член Политбюро ЦК КПСС.

² РАПО — Районные агропромышленные объединения. — А. Ч.

³ Болдин Валерий Иванович (род. в 1935 г.) — член редколлегии газеты «Правда», с 1981 г. — в аппарате ЦК КПСС, с 1986 г. — кандидат в члены ЦК КПСС, заведующий общим отделом ЦК КПСС, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС.

что-то есть. Так вот, надо собрать всё, что сказано было членами Политбюро, хорошую записку составить, чтобы люди почитали, поняли, в чем дело, и разослать по обкомам. Вот это я хотел вам всем сказать, чтобы учитывали.

А теперь я поеду на торжественное заседание по случаю на 120-летия со дня рождения М. Горького. Хотя и не круглая дата, но надо: уже и на него руку начали поднимать...

10 апреля 1988 г.

С 6 по 8 — в Ташкенте. <...> В самолете туда, когда вдвоем обдумывали, что говорить Наджибу, он правил подготовленный мною наспех материал... Вдруг заговорил об истории с «Советской Россией».

По моей реакции он увидел, что я многое знаю. Запнулся. Я говорю:

— Михаил Сергеевич, мне кажется иногда, что ваши коллеги не понимают, что вы хотите, не читают внимательно, что вы говорите и пишете... или не могут понять сути.

— Понимаешь, ...потолок! (и показал рукой). Такой потолок... Я не думаю, что здесь умысел, фракционность, принципиальное несогласие... Потолок. И это тоже плохо...

24 апреля 1988 г.

Самое главное — три встречи М.С. с первыми секретарями обкомов и ЦК республик, всего — 150 человек. Я записал все подробно. Он проверял на них идею: «Вся власть Советам!»... и подводил к тому, что первый секретарь должен быть и председателем президиума любого Совета, но избранный уже народом. Если не выберут — уходи. И так до самого верха: он мне еще зимой в Пицунде сказал, что идея состоит в том, чтобы он стал «президентом-генсеком». И это правильно. Это — главная гарантия перестройки, пока он жив. Но он хочет за это время — через XIX партконференцию — создать избирательные и прочие гарантии против диктатуры... не только лица, но и партии.

Главной же темой и в тексте и в подтексте этих собраний была статья Нины Андреевой. Первые две группы (они шли с разрывом в три дня) были предупреждены Разумовским о чем пойдет речь.

<...>

Несколько дней спустя был у меня разговор с Яковлевым. Он меня спрашивает: Как думаешь, когда в нем (в М.С.) произошел такой перелом? Ведь ты помнишь, как кисло он принял «Детей Арбата»? Потом с Шатровым устроил⁴... Но ведь там — детский сад по сравнению с тем, что сейчас вышло на страницы. А теперь будто его подменили: непримирим по отношению к малейшему послаблению сталинизму.

Я: Думаю, что перелом произошел окончательно тогда, когда увидел, что и в его окружении во главе с Лигачевым люди думают (и делают) так же, как Нина Андреева, и что даже в «генералитете» партии не понимают глубины его замысла... Или не приемлют.

⁴ А.Н. Яковлев имел в виду реакцию Горбачева на финал пьесы Шатрова «А дальше, а дальше!...». Там Ленин уходит, Сталин остается. — А.Ч.

Впрочем, не было бы Нины Андреевой, ее надо было выдумать. Пошел такой шквал антисталинизма и такая раскованность в газетах, что Лигачев бы и др. не «потерпели»! Наблюдал я его на Политбюро в прошлый четверг — 14 апреля. Нет уж такого апломба. Больше помалкивает. А когда выступил по какому-то частному вопросу — кажется, о том, что ПТУ должны управляться из центра, а не быть при заводах — на него резко обрушился Рыжков (и это в присутствии нескольких министров), «не согласился» Зайков, и даже Воротников приподнял хвост.

М.С. по сути поддержал премьера. И Лигачев умолк. Я подумал: начинается «отторжение».

Вчера проходил внеочередной Секретариат ЦК по подготовке XIX партконференции. И Горбачев сам его проводил. Лигачеву не доверил, хотя тот «по положению» должен вести Секретариат.

<...>

Вторая тема: XIX партконференция и вчерашний Секретариат.

Знаешь, говорит, ничего я не набрал от вчерашнего обсуждения. Единственно, кто что-то внес, — это Яковлев, Медведев, Лукьянов. Остальные... думают только о своих амбициях и о кресле.

Я: Да и амбиций нет. Нечего нести-то.

М.С.: Ты прав. Нищета философии. Ограниченность. Отсутствие культуры. Отсюда и бедность мысли, не говоря уже об отношении к моим замыслам... И Лигачев опять удивил, набросился на прессу. Заявил, что правительство России — единственно хорошее. А Совмин СССР ничего не делает. Ну, подумай только! Открытым текстом свои привязанности и антипатии высказывает... И, что он думает, что мы такой примитив, что не понимаем что к чему? Воротников — это худшее у нас правительство из всех республик. Ты заметил, как его крыли (не называя по имени) на встречах с секретарями обкомов. А Рыжков? Да мы ему работать не даем — все его дела на ПБ тянем. И здесь все упирается в безвластие советской власти! Но — ненавидит Егор Николая (Рыжкова). Тот ему платит тем же...

На партконференции нужен прорыв, новый интеллектуальный прорыв.

Посмотри: Партия. Авангардная роль — но как? Если отнять командование и управление? «Вся власть Советам!» Но как? Как заставить работать Советы после 60-летней привычки быть прихвостнем и полной их дискредитации?

Говорим: вернуть социализму ленинский облик! Да. Но что это значит в теперешних условиях? Очищаем от скверны сталинщины, брежневщины... Еще много тут дел. Но это ведь негативистская работа. А какая конструкция должна быть? Правовое социалистическое государство. Огромная проблема. И т.д.

26 апреля 1988 г.

М.С. собрал Яковлева, Слюнькова, Медведева, Лукьянова, трех помощников, Биккенина, Ситаряна⁵, Можина (зав. Экономическим отделом ЦК), Болдина. И проговорил все идеи к XIX партконференции... Главное — в истории она останется, как первая после Гражданской войны коренная реконструкция политической системы: новая концепция авангардной роли партии, «Вся власть Советам!», правовое государство, национальный вопрос: — нельзя ждать до пленума по национальному вопросу.

И итоги перестройки. Самокритика трех лет. Но, как выяснилось из выступлений Слюнькова и Ситаряна, нет даже идей, как наладить механизм экономики, чтоб он работал на новых принципах. Ситуация тревожная. Производство падает. И рыночное обеспечение скудеет. Сахар по паспортам начали продавать уже и в Москве.

Между прочим, М.С. оценил («для вас только») проблему гарантий и необратимости перестройки. Люди, говорит, очень встревожены, боятся, как бы все не опрокинулось. Ситуация очень обострилась в эти три недели «застоя» (между публикацией в «Советской России» и статьей в «Правде»). Вот случай... помните, я на той неделе три дня не появлялся на работе. Надо было врачебное обследование пройти. Давно откладывал. Так вот... ГАИ останавливает «Жигуленка» моего зятя (он врач в первой Градской), знают его номер. И прямо задают вопрос: «Где Михаил Сергеевич?» Зять туда-сюда. «Ты не вилай. Говори, где М.С.? Мы же знаем. Три дня уже его машины не идут в город! Слухи ходят, что его уже сняли... Если так, скажи. Народ вокруг заведен. Если сняли — выйдем на улицу с оружием!»

Выступали все по очереди. Наговорили с короб. Я тоже говорил. Очень громко, в отличие от других — в запале, стоя. Две темы из того, что сказал, пожалуй, стоит зафиксировать:

Против Ивана (Фролова), его тезиса о «возврате от Ленина к Марксу».

Да, Маркса не читают, Маркса плохо и по существу не знают, напугались западных споров о его ранних произведениях. Делать что-то надо. Но не за счет Ленина.

Против тезиса Г.Х. Шахназарова (помощник М.С. Горбачева): «вписаться в мировое сообщество, сказать, что мы такие же, как все»...

Тут я был ядовит. Сила — в нашей неординарности. «Сказать, что мы хотим вписываться?» Мы (т.е. Горбачев) говорим это Западу уже три года. Этого мало. Для Рейгана (судя по последним его трем речам) мы все равно тоталитарное государство, очаг коммунистической экспансии, подавляем свой народ и т.д. Так было и так будет, в том, что касается Рейгана и К°. Но вот то, что ни одна западноевропейская газета не опубликовала этих его речей, и только две американские газеты опубликовали — это уже исторический факт.

На встрече с Шульцем М.С. врезал открытым текстом по Рейгану за его две речи. Но ни Шульц, ни Нитце, ни Раджуэй, ни Пауэлл — не стали

⁵ Ситарян Степан Арамаисович (род. в 1930 г.) — первый заместитель председателя Госплана СССР в 1986–1989 гг., академик АН СССР (1987).

протестовать. Потому, что они порядочные люди и им, видимо, стыдно за своего шефа, хотя по должности и должны были бы вступить. Это — тоже знаменательный факт.

Ты, Георгий, говоришь: «мы — такие же»... Они тебе ответят. Извольте, раз такие же, тогда скажите, сколько у вас компьютеров на душу населения? Ах, в 48 раз меньше! Тогда гуляйте из великих держав. И мы относились бы к вам, как к Панаме, если бы у вас не было больших ракет... Пока это еще что-то значит...

Тем не менее. Что мы имеем сейчас? Мы имеем брюссельскую сессию НАТО в верхах на тему: «Как остановить Горбачева!» Вот так-то. Нет, мы не «такие, как все», а локомотив современного мирового развития в направлении нравственности и справедливости. Вот наша сила. И ее надо пестовать.

И третья тема: XIX конференция — рубежная. Но не надо узурпировать апрель 1985 г. Революция началась тогда. А конференция должна стать рубежом в том смысле, что на ней будет сказано: мы окончательно перерезаем пуповину с командно-административной системой и со всем наследием сталинизма. Особенно это важно сказать с учетом «Ниночки»... Ей и ей подобным это надо услышать с такой именно трибуны. Слово «необратимость» устаревает. Ребенок-перестройка уже родился. Утробный период кончился. И каким он вырастет, будет зависеть от чистоты пеленок, от качества питания и от новизны игрушек. Вот так я шумел перед своими коллегами и перед самим М.С.

Сегодня написал план международного раздела для доклада на конференции. Собрал «своих» экспертов (А.А.Галкин, А.Б.Вебер, Н.А.Ковальский, Е.А.Амбарцумов, О.К.Рыбаков, В.С.Гусенков). Прокрутили мои идеи. Они много добавили интересного. План переписал. Попросил их поделиться мыслями письменно — до 1 мая. Завтра уезжаю в Волынское-2. Другие уехали сегодня.

<...>

19 июня 1988 г.

С конца апреля — в Волынском-2. Подготовили проект тезисов к XIX конференции, которые М.С. передиктовал... Пришлось настаивать — с помощью Шеварднадзе — в международной части: чтоб была самокритика. Он согласился... И это — исторический сдвиг... Впервые мы говорим о внешней политике до 1985 г. критически.

Для доклада на конференции я подготовил вариант еще более критичный и с выходом на идеи об эволюции природы империализма... Что, впрочем, Хонеккер заметил уже в тезисах и в своем кругу выразил «фэ». Биляк — тоже. Вообще наши друзья очень боятся и перестройки и нового мышления.

<...>

Сразу после отъезда Рейгана мы переместились в Ново-Огарево (готовить партконференцию). М.С. приезжал каждый день в 10 утра и мы сидели вместе до 22 — 23 часов. Он передиктовывал наши проекты.

Мы — это Яковлев, Медведев, Лукьянов, Фролов, Шахназаров, Болдин и я. Никого больше...

Проект переделки политической системы ошеломит, конечно, прежде всего его коллег в ПБ... Позавчера он разослал доклад (104 стр.). Завтра обсуждение на ПБ. Ошеломит потому, что большинству из них в новой системе не найдется верхних мест.

М.С. долго колебался и вслух перед нами размышлял: начать раздел с того, что я подаю в отставку, но предлагаю такую вот структуру (становление Генсека председателем — не Президиума, а Верховного Совета СССР, т.е. «президент»). И пусть конференция... или потом Съезд Советов (новая институция) решает вопрос...

Ушел от этой мысли с рефреном: мне нового бремени не нужно. И в самом деле, перестройка не состоится, если ее не насаждать сверху. А насаждать ее хочет и может только М.С., ну, может быть, еще 2–3 члена Политбюро и часть секретарей ЦК.

Так что такое решение — судьбоносное.

Впрочем, судя даже по очень критическим и скептическим письмам и печати — все понимают, что перестройка — это Горбачев. Не будет его — все завалится при нынешнем ПБ.

Фролов в его присутствии рассказал анекдот, который его дочь принесла из МГУ: Открывается XIX партконференция. Первым в президиум идет Иван Сусанин, потом Горбачев, потом остальные. Сусанин подводит Горбачева к председательскому месту, а остальным говорит: «А с вами мы пойдем дальше»... Все хохочут. И М.С. больше всех.

Печать неистовствует по поводу Сталина, Брежнева, и нынешних эпигонов. Невероятно откровенно обсуждаются тезисы и то, как аппарат замордовал выборы на партконференцию. Эпизоды с Ю.Н. Афанасьевым⁶ и А.И. Гельманом⁷ на московской партконференции. М.С. защитил второго и «подсказал» Зайкову выдвинуть Афанасьева, которого забаллотировал райком...

10 июля 1988 г.

Неделя после конференции. Так много написано о ней. Наиболее точные и тонкие наблюдения — в серьезной прессе. Кстати, только сегодня я вдоволь ее начитался и это меня успокоило. Они правильно увидели: М.С.

⁶ Афанасьев Юрий Николаевич (род. в 1934 г.) — историк, ректор Московского государственного историко-архивного института, позже народный депутат, один из организаторов депутатов.

⁷ Гельман Александр Исаакович (род. в 1933 г.) — драматург, киносценарист, автор пьес «Протокол одного заседания» (1974), «Обратная связь» (1976), «Мы, нижеподписавшиеся» (1979), «Наедине со всеми» (1982), «Скамейка» (1983), «Зинуля» (1984) и др.

как искусный политик сделал максимум (и даже немного больше), чем было возможно. Он сам любит повторять, что политика — это искусство возможного.

Он и для участников конференции открылся теперь именно этой своей стороной, ибо они считали, что уже хорошо его знают. Но знали как неординарную личность, интересного собеседника, искреннего человека, без позы и красования, увлекающегося, способного на неожиданные ходы и смелые решения, умного и находчивого и т.д. А тут они увидели политика с огромным самообладанием и владеющим (плюс его личное обаяние) искусством покорять и подчинять, вести.

У меня, как и у большинства интеллигентов, конференция оставила впечатление разноплановое: событие огромное, поворотное, небывалое. Решения ее уникальны, а состояние у всех — унылое, даже тревожное... Я даже хотел сказать ему об этом при случае... Но меня останавливало его бодрое и самоуверенное настроение в дни после конференции. И это, несмотря на Карабах и прочие неприятности.

Политбюро он, правда, провел очень по-деловому, очень рационалистически, без всякого «взахлеба» оценив конференцию. Не заколебался согласиться с Лигачевым-Зайковым-Воротниковым.

И все-таки... Почему унылое настроение? Потому, что, во-первых, это, действительно, историческая конференция (ничего подобного не было с 20-х годов) дала по морде прессе и интеллигенции, т.е. тем, кто опрометью бросился в перестройку и без которых она бы не началась и не продвинулась, без которых не могло бы быть и самой такой конференции.

Во-вторых, Лигачев выступил очень ловко... М.С. в который раз убеждает, что партия, народ, страна пострадали перестройку, что дальше так — гибель, что перестройка, естественно, выросла из кризиса и т.д. А Лигачев сообщает, что все зависело от интрижки в ПБ, что он, Лигачев, был «в центре событий» и вместе с Чебриковым, Громыко и Соломенцевым назначил Горбачева в марте 1985 г. ...А могли они, эта четверка, назначить и другого! Сообщил он также и то, что как Томскую область сделал процветающей, так и всю страну может, если бы не мешала, мол, болтовня о свободе, демократии и гласности.

Процитировал Е.К. и Пушкина — насчет того, что «в диких звуках озлобления» он слышит голос одобрения. Это в контексте, что его ругает западная пресса и местные «прорабы перестройки», в то время как Горбачева этот самый Запад избирает «человеком года» и не устает им восхищаться.

Лигачев сумел сполна изложить свою платформу, в том числе и тем, что поддержал Бондарева — выступление à la «Нина Андреева».

Плюс — почему унылое настроение — от эпизода: Бакланова⁸ согнали с трибуны, Бондареву устроили овацию. Бакланову надо было после первых же хлопков и выкриков уйти. Это был бы поступок, вызов. А он уж очень хотел

⁸ Писатели Г.Я. Бакланов и Ю.В. Бондарев в 1950-х годах положили начало так называемой «окопной правде» в прозе о Великой Отечественной войне. — А. Ч.

произнести речь, впрочем, достойную молодежно-литературного симпозиума, а не такого собрания, да еще после Бондарева.

А М.С. — ему бы встать выше схватки Лигачев-Ельцин. А он треть заключительного слова посвятил Ельцину. И тем самым фактически присоединился к Лигачеву, во всяком случае «стерпел» его платформу и его оскорбления. Тут у него комплекс... Перед последним днем конференции М.С. собрал нас (уже после заседания, часов в 9 вечера в комнате президиума Большого Кремлевского дворца), чтобы посоветоваться о своем заключительном слове. Были: Слюньков, Болдин, Яковлев, Фролов, Шахназаров.

Некоторые рассуждали, давали советы. Высказался и я, предложив: почему бы не сказать об уроках того, как прошла сама конференция, плюсах и минусах. В частности, невозможно, мол, пройти мимо такой «ложки дегтя», как выступление Бондарева. М.С. меня остановил, махнув на меня рукой: «А ты видел, как реагировал зал?»

— Видел! И от этого было особенно стыдно. И именно поэтому об этом тем более надо сказать.

Все смолчали. А М.С. отрезал: «Не буду я делать то, что ты предлагаешь!»

А теперь я узнаю следующее... М.С. едет в Польшу. В списке сопровождающих, подготовленном Медведевым, Отделом науки, Яковлевым значился академик Д.С. Лихачев (М.С. предстоит там большая встреча с учеными и деятелями культуры). Там был и Р.З. Сагдеев (другой академик, атомщик). Не думаю, что список составлялся без ведома М.С. И вдруг он (уже дня три спустя после конференции) вычеркивает и того и другого. И предлагает... Бондарева. И это, несмотря на то, что ему сообщили, что оба академика уже собрали чемоданы и очень польщены таким доверием... В ответ на наше «нехорошо получилось»... М.С. был тверд. К чести Медведева — он решительно уперся против Бондарева и не допустил его включения: мол, поляки не поймут... Но обоих академиков из списка убрали...

Доволен ли я своей работой за эти месяцы подготовки и проведения конференции. Да, доволен. Я, действительно, много делал помимо участия в сочинении международных разделов и тезисов, и самого доклада, и первой резолюции. Яковлев — бригадир давал мне на переделку все остальные разделы (кроме экономики), причем, дважды.

И при проходке-передиктовке всех текстов — доклада и резолюций — я вторгался не раз, вызывая раздражение М.С. Тем не менее, он взял меня в первую комиссию — по первым двум главным резолюциям. И поскольку никакого «аппарата» при ней (165 чел.) не было, результаты дискуссии в комиссии превращал в текст я. И М.С. практически все принял, в том числе и знаменитую клятву, что «КПСС никогда больше не допустит ничего подобного культу и застою». Весь мир обратил на нее внимание: «КПСС этим достигла вершины разрыва с прошлым» (итальянская «Массаджеро»).

О Русте (немецком парне, посадившем свой самолет на Красной Площади). Еще в Ново-Огареве по какому-то поводу зашла о нем речь.

М.С.: «Что с ним делать?» Я заметил: «Отпускать надо. Сразу после конференции — как демонстрация гуманизации, которой она даст импульс. И не надо это — не дай Бог! — делать близко к визиту Коля или Геншера».

Меня сразу поддержали Лукьянов и Яковлев.

М.С. тут же решил — отпускаем. И велел Болдину позвонить Чебрикову, чтоб готовил. Прошла конференция. А бумаги на этот счет нет. Вчера после встречи с президентом Индии в Екатерининском зале я говорю: «Михаил Сергеевич, Вы уезжаете в Польшу. Сейчас окунетесь в подготовку. А у меня дела».

Он: Вот пойдем сейчас в ЦК, там и поговорим.

Я: Как пойдем?

Он: Так вот и пойдем, ногами.

Вышли из здания и пошли. Прошли по ул. Разина перед изумленными прохожими. А начиная с Ипатьевского (переулкa, совсем близко от ЦК) — перед изумленным аппаратом ЦК, который в это время массой двигал в столовую. Так вот дошли до подъезда, он забрал меня в кабинет на текущие дела. ...

А.С. Черняев «Совместный исход». М.: РОССПЭН, 2007, С.743-758